

В. Н. Барышников

МАННЕРГЕЙМ И УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ В ПЕРИОД «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ»

Проблема использования в годы «зимней войны» для борьбы против Советского Союза представителей его политической эмиграции, а также военнопленных и отношение к этому вопросу Маннергейма уже отчасти рассматривались определенными исследователями. Причем это прежде всего касалось того, каким образом финский маршал рассматривал русских коллаборантов и как он пытался использовать для своей борьбы против СССР¹. Действительно, взгляды финского маршала здесь были весьма масштабными, вплоть до того, что он на платформе начавшейся войны «предложил для размышления мысль о возможности образования где-то вблизи восточной границы “русского правительства”»². Фактически эта идея являлось прямым подражанием сталинского плана создания на занятой советскими войсками финской территории «народного правительства Финляндии» во главе с О. В. Куусиненом. Объясняя же данную идею представителям финского МИДа, Маннергейм тогда указал, что «русское правительство» важно, прежде всего, для того, чтобы «повлиять каким-то образом на народ России и на посылаемые против Финляндии войска»³.

Иными словами, Маннергейм опять вспомнил о проигранной «белыми» Гражданской войне в России и в новых условиях решил продолжить борьбу с существующим в СССР строем. В этом он, очевидно, рассчитывал на наличие «враждебных советскому правлению эмигрантов». Неслучайно несколько позже, в период уже Великой Отечественной войны, он прямо написал одному из представителей русского белого движения, что «свержение большевистского ига также является, как я надеюсь, целью русских эмигрантов» и его «очень радует то, что... эмиграция восстает против тех кровопийц, которые в течении четверти века угнетали русский народ»⁴.

Таким образом, финский маршал в годы «зимней войны» явно вынашивал определенные мысли о возможности в новых условиях продолжить

борьбу против существующего в России общественно-политического строя. Хотя затем, уже после поражения Финляндии во Второй мировой войне, он об этом не любил далее распространяться.

Тем не менее в любом случае очевидно, что осуществление подобных целей могло произойти только при условии наступления против Советского Союза, т. е. проведения боевых действий на советской территории. Однако начало широкомасштабной успешной наступательной операции финской армии в этот период осуществить было крайне сложно. Нужна была активная военная поддержка со стороны Запада и его непосредственное участие в военных операциях против советских войск. В результате реализация идеи использования сил коллаборации во многом зависела не только от дальнейшего хода развития боевых действий, но и от степени участия в «зимней войне» стран Запада⁵. В целом идея реализации предложенного Маннергеймом замысла должна была в корне изменить уже сам характер начавшейся войны.

В контексте этого следует иметь в виду начавшуюся активизацию процесса переговоров с Англией и Францией, которые касались совместных военных операций и переноса боевых действий за пределы Финляндии, на советскую территорию. В результате в ходе заседания Государственного совета тогда вполне уверенно начали уже рассуждать о целесообразности и возможности «высадки англичан в Мурманске»⁶. Более того, на переговорах с представителями Великобритании маршал К. Г. Маннергейм конкретно указывал на то, что операция по захвату Мурманска «могла бы быть крупномасштабной, имеющей решающее значение»⁷. Следовательно, он рассматривал реальную возможность ведения активных наступательных боевых действий непосредственно на территории СССР.

Учитывая столь глобальный подход, понятно и желание начать разработку не только военных операций, но и учитывать политическую составляющую будущих операций, связанных с попытками заблаговременной организации, в частности, на финской территории нового «правительства» для «новой России». Причем Маннергейм этим вопросам в начале войны, несмотря на крайнюю занятость делами военного характера, уделял достаточно много времени. Эти идеи он конкретно тогда активно обсуждал с представителями финского МИДа, поскольку подобного характера инициативы относились к чисто внешнеполитическим проблемам. По свидетельству высокопоставленного чиновника министерства иностранных дел А. Пакаслаhti, маршал в это время им прямо звонил из ставки, высказывая соображения относительно создания «русского правительства» из числа эмигрантов у «восточной границы»⁸.

Параллельно Маннергейм принялся также обдумывать возможность образования в Финляндии некой «русской народной армии». Эта идея появилась также в декабре 1939 г.⁹ Считалось, что возникшая война будет хорошим поводом для возобновления борьбы русского белого движения и станет «одним из наиболее благоприятных для нас случаев и притом в наиболее выгодных для нас условиях»¹⁰. Однако финский маршал не во всем поддерживал идеи представителей белой эмиграции¹¹. По данному вопросу финский маршал проявлял очевидные колебания. Он хорошо понимал, что идеи русского белого движения не до конца соответствовали той политике, которую проводила Финляндия. Как «белую» Россию, так и большевистскую в Финляндии воспринимали с достаточной степенью подозрительности. Маннергейм хорошо понимал, что возрождение в любом виде сильной России никоим образом не устраивало бы финское руководство.

В целом отсутствие четкой ориентации, кто должен был возглавить «русское правительство» и с кем нужно устанавливать связи для использования потенциала русской эмиграции в войне против СССР, приводило к тому, что в Финляндии так толком и не определились с главой этого «правительства». Мнения в этом отношении были весьма противоречивы — начиная с кандидатуры бывшего руководителя русского Временного правительства А. Ф. Керенского и заканчивая бывшим большевиком Л. Д. Троцким¹². Все это свидетельствовало лишь только об одном. У финского руководства здесь не было единства взглядов. Здесь, что казалось очень удивительным, были даже склонны пойти скорее на контакты с советскими политическими эмигрантами, нежели чем с представителями белого движения. Как отметил по этому поводу известный политический и государственный деятель Финляндии Ю. К. Паасикиви, в безнадежном положении «мы приняли бы помощь, хоть от черта»¹³, и этим он стремился, очевидно, подчеркнуть готовность к сотрудничеству именно с советской политической оппозицией.

В результате, если вспоминать прошлое Маннергейма, то его действия в ходе «зимней войны» становятся достаточно парадоксальными. Он скорее был склонен использовать в борьбе против СССР не своих прежних коллег по службе в царской армии, а именно новых, советских диссидентов.

Это подтверждают и те его действия, которые маршал развернул по формированию «русской армии». К ее конкретному созданию были привлечены не «белые» офицеры, а советский эмигрант Б. Г. Бажанов, являвшийся ранее техническим секретарем Сталина. Этот человек ранее никогда не занимался «военными делами» и, более того, даже не служил в армии. Родившись на Украине, в Подольской губернии,

в годы гражданской войны, как сам он утверждает, сделал свой выбор «между украинским национализмом и коммунизмом» в пользу советской власти. Но служить стал не в рядах Красной армии, а устроился на государственно-партийную работу в технический аппарат ЦК РКП(б). В конечном итоге, разочаровавшись в своей жизни в СССР, Бажанов в 1928 г. покинул страну. Таким образом, он никоим образом не являлся участником «белого» русского движения. Именно это, судя по всему, и должно было больше всего устроить финского маршала.

Но большого результата работа Б. Г. Бажанова не дала. Его деятельность в Финляндии продолжалась около двух с половиной месяцев и привела к тому, что из свыше 5 тысяч советских военнопленных¹⁴ в рядах «русской народной армии» оказалось лишь несколько сот человек¹⁵. Таким образом, для Маннергейма данная инициатива оказалась не достаточно эффективной.

Тем не менее, обращение к русским коллаборантам имело, очевидно, исключительную задачу, которая заключалась не в идеях белой эмиграции, выступающей за реставрацию прежней России, а лишь в развале, как программа максимум, существующего на восточных границах Финляндии большого российского государства. Именно эту цель наиболее ярко можно наблюдать в отношениях Маннергейма уже к украинским националистам. В данной достаточно специфической националистической среде тоже тогда начали разворачивать весьма активную «работу», поскольку существовало достаточно устойчивое представление, что «представители нерусских народов... могли сражаться на стороне Финляндии или по меньшей мере отказаться от участия в войне против нее»¹⁶.

В целом, по отношению к украинским националистам позиция Маннергейма была более четкой. Она наиболее ясно раскрывала цели программы максимум в отношении будущего России. Здесь расчет делался именно на антирусские настроения, которые в определенной степени считались на территории Украины возможными и даже достаточно константными. В Хельсинки конкретно рассчитывали, что с помощью украинских националистов можно будет наладить в тылу Советского Союза реальную диверсионную деятельность. Также с их помощью для СССР хотели организовать определенного вида экономические сложности, провоцируя для этого акты «саботажа на военно-промышленных предприятиях юга России»¹⁷. Сторонником этой идеи, в частности, являлся А. Хакцель. Он был весьма заметным государственным и политическим деятелем страны, поскольку в 1920-е гг. занимал пост финского посланника в Москве, а затем, уже в 1930-е гг., стал министром иностранных дел Финляндии. В 1944 г. Хакцель даже был назначен на пост премьер-министра, причем в тот же самый момент, когда Маннергейм оказался президентом Финляндии.

К. Г. Маннергейм по «украинскому вопросу» явно разделял взгляды А. Хакцеля. По распоряжению маршала в финских лагерях для советских военнопленных тогда начали четко проводить фильтрацию по национальному признаку. Здесь стали явно выделять из русской этнической среды военнопленных украинской национальности. Более того, именно представители ставки Маннергейма, которые находились за рубежом, начали лично встречаться с «дружественными украинцами» из эмигрантских кругов и, естественно, поднимать вопрос об использовании украинских добровольцев для активной борьбы против СССР¹⁸.

Во взаимодействии с представителями ставки за рубежом подобные действия предпринимали тогда и финские дипломаты. Так, в частности, используя то, что т. н. Украинский комитет в Париже принял решение начать вооружать своих членов, чтобы затем их «использовать в Финляндии», начались переговоры с президентом этого комитета А. Я. Шульгиным¹⁹. Более того, член данного комитета, «генерал Украинской народной республики» А. И. Удовиченко сам предложил уже в первый день войны, 30 декабря 1939 г., использовать «до 3000–4000 украинских солдат-добровольцев, которые смогут прибыть в Финляндию в течение трех-четырех месяцев»²⁰. До Маннергейма это предложение было доведено, но маршал решил использовать в борьбе против СССР прежде всего украинских военнопленных, которые в ходе войны постепенно оказывались в финских лагерях.

С этой целью продолжились переговоры с А. И. Удовиченко и «украинский генерал» выдвинул финляндскому посланнику в Париже новую идею — для начала «направить в Финляндию одного офицера, чтобы помочь создать из российских военнопленных надежных украинских солдат». Конкретно он полагал, что это поможет начать «формирование из них воинской части национальной украинской армии». Это подразделение, по мысли Удовиченко, затем могло быть усилено «находящимися во Франции украинцами»²¹.

Что же касается финского командования, то 13 февраля ставка Маннергейма сообщила в министерство иностранных дел, что там могут «окончательно определить свою позицию по этому делу, получив для этого соответствующие сведения». Это означало, что в Финляндии начался перевод высказанных украинскими националистами соображений на более практическую основу. Очевидно, что к этому времени в финском руководстве уже четко сложилось представление, что «от украинцев может все же быть польза в пропагандистской деятельности». Кроме того, предполагалось среди них «найти согласных для выполнения заданий за линией фронта»²².

Действительно, с целью развертывания данной работы в Финляндию из Парижа прибыл А. Я. Шульгин. Он прежде всего был направ-

лен в лагерь, в котором содержались советские военнопленные из 44-й стрелковой дивизии. Эта дивизия в момент начала «зимней войны» была перебросена из района Житомира, но сразу же оказалась в окружении. В результате в лагере, куда привезли А. Я. Шульгина, военнопленных украинцев было больше половины, около 600 человек²³. Тут украинский эmissар и развернул свою энергичную деятельность. Она была направлена исключительно на решение всех поставленных Украинским комитетом задач. Как указывали сами военнопленные, с которыми Шульгин имел соответствующее взаимодействие, им активно предлагалось «воевать против СССР», а также «готовиться к борьбе за отторжение Украины» от Советского Союза²⁴.

В целом, как и с «русским контингентом» из числа военнопленных, эффективность данной работы оказалась явно незначительной. Финскому командованию не удалось создать какое-либо украинское военное подразделение. Осталось лишь надежда создания «небольшого украинского отряда численностью около 40–50 человек». Это подразделение, однако, должно было состоять, прежде всего, из прежних украинских эмигрантов, поскольку «половину состава данного отряда составляли офицеры... базирующиеся в Париже»²⁵.

Таким образом, безусловно, что для развертывания среди советских военнослужащих украинского происхождения, оказавшихся в финском плену, соответствующей работы требовалось затратить значительно большей энергии. Поэтому в ставке для развертывания пропагандистской деятельности стали изготавливать агитационные листовки на украинском языке. Но данная работа была скорее адресована военнослужащим украинской национальности, находившимся в рядах Красной армии на фронте²⁶. Кроме того, для усиления работы среди военнопленных уже в самом конце войны, 9 марта 1940 г., был образован специальный лагерь для «нерусских». Далее, 11 марта, было принято решение продолжить начатую работу в более активных формах и перейти к практической подготовке «будущего украинского подразделения». Но опять предполагалось использование здесь приглашенных в Финляндию «ветеранов украинского фронта»²⁷.

В целом в скоротечных событиях «зимней войны» задача активного использования украинских националистов, так же как и русских коллаборантов, не увенчалась каким-либо реальным результатом. Во многом это было вызвано тем, что в Хельсинки достаточно быстро почувствовали, что эффективность их работы была достаточно низкой и вообще «советские солдаты имели иммунитет к пропаганде», которую пытались наладить среди них финские специалисты²⁸. Таким образом, попытки найти себе опору среди представителей украинского националистиче-

ского движения лишь ясно указывали на то, что Маннергейм не имел тогда ни четких представлений о положении в СССР, ни реальных оценок возможностей в организации в соседней стране националистических выступлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийонского правительства». СПб.—Хельсинки, 2003; *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010; *Барышников В. Н.* Маршал К. Г. Маннергейм и «русская народная армия»: от идеи создания до начала ее формирования (1939–1940 гг.) // СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти. СПб., 2020. С. 60–69; *Барышников В. Н.* Маннергейм и Советский Союз. М.: Кучково поле, 2021. 383 с.

² *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo-Hels., 1970. S. 221.

³ *Ibidem.*

⁴ Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах. СПб., 2008. С. 41.

⁵ *Барышников В. Н.* К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. // История. Мир прошлого в современном освещении. сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. Санкт-Петербург, 2008. С. 427–458.

⁶ *Kansallisarkisto. Tudeerin kokoelma. Valtioneuvoston pöytäkirjaja,* 5.12. 1939–21.03.1940; Зимняя война 1939–1940. В документах НКВД. СПб., 2010. С. 271.

⁷ *Ulkoasiainministeriön arkisto* (далее — УМ). 109. С 2с.

⁸ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 222.

⁹ См.: *Suomela J.* Rajatakainen Venäjä. Venäläisten emigranttien aatteelliset ja poliittiset mielipiteet Euroopan venäläisissä sanomalehdissä 1918–1940. Hels., 2001. S. 241.

¹⁰ «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии...» РОВС об уроках «Зимней войны». (Из Бахметьевского архива Колумбийского университета, США) // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 321.

¹¹ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сборник документов. Кн. вторая. М., 1998. С. 273.

¹² *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийонского правительства». С. 212–220; *Барышников Н. И., Лайлинен Э. П.* Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 84–104.

¹³ Цит. по: *Trotsky vastahallituksen johtoon?* 15.12.1939 // *Talvisota kronikka.* Jyväskylä-Hels., 1989. S. 46.

¹⁴ Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1395. Л. 235.

¹⁵ См.: *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 2021. С. 325; *Фролов Д. Д.* Из истории зимней войны 1939–1940 гг. Сборник документов. Петрозаводск, 1999. С. 17; *Александров К. М., Фролов Д. Д.* Сбои в «системе активной несвободы». С. 345; Зимняя война 1939–1940 // Советско-финляндская война 1939–1940. Т. II. СПб., 2003. С. 326; *Семиряга М. И.* Тайны сталинской ди-

пломатии 1939–1941. М., 1992. С.185; *Rislakki J.* Erittain salainen. Vakoilu Suomessa. Helsingi, 1982. S. 130; *Geust C.-F.* General Vlasov's army — the Finnish connection // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17 (2). P. 85.

¹⁶ *Килин Ю.* Карелия в политике советского государства 1920–1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 204.

¹⁷ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 223.

¹⁸ Sota-arkisto (далее — SA). Päämaja. Toimisto K. Sal.kirjestöä 1939–1940. T. 19932 (2). Insinööriluutnantti Reino Casterin kirje Pariisista Päämajan 9.2.1940; *Geust C.-F.* Vlasovin armeija. Jeväskylä, 2017. S. 58–60.

¹⁹ УМ. 109. С 4. Р.М. [Päämaja]. Maanpaossa olevien ukrainalalaisten tarjoamaan avun hyväksikäyttämisestä, 21.2.1940.

²⁰ *Geust C.-F.* Vlasovin armeija. S. 60.

²¹ УМ. 109. С 4. Р.М. [Päämaja]. Maanpaossa olevien ukrainalalaisten tarjoamaan avun hyväksikäyttämisestä, 21.2.1940.

²² Ibidem.

²³ *Geust C.-F.* Vlasovin armeija. S. 60.

²⁴ *Фролов Д. Д.* Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки-СПб., 2009. С. 381.

²⁵ *Geust C.-F.* Vlasovin armeija. S. 60.

²⁶ SA. Päämaja. Toimisto K. Sal.kirjestöä 1939–1940. T. 19932 (2).

²⁷ *Geust C.-F.* Vlasovin armeija. S. 67.

¹⁸ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 224.

ЛИТЕРАТУРА

Александров К. М., Фролов Д. Д. Сбои в «системе активной несвободы» // Советско-финляндская война 1939–1940. Т. II. СПб.: ПОЛИГОН, 2003. С. 310–356.

Барышников В. Н. К вопросу о различиях в подходе к образованию т. н. «русского правительства» у руководства Финляндии в период «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 55–73.

Барышников В. Н. Маннергейм и Советский Союз. М.: Кучково поле, 2021. 383 с.

Барышников В. Н. Маршал К. Г. Маннергейм и «русская народная армия»: от идеи создания до начала ее формирования (1939–1940 гг.) // СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти. СПб.: Свое издательство, 2020. С. 60–69.

Барышников В. Н. К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. // История. Мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 427–458.

Барышников Н. И. Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб.: Наука, 2010. 408 с.

Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства». СПб.—Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2003. 363 с.

Барышников Н. И., Лайлинен Э. П. Из истории советско-финляндских отношений. СПб.: Издательство РХГА, 2013. С. 84–104.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: Вече, 2021. 352 с.
Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах. СПб.: Европейский Дом, 2008. 208 с.

Зимняя война 1939–1940. В документах НКВД. СПб.: «Лик», 2010. 320 с.

Карл Густав Маннергейм. Мемуары. М., 1999. 573 с.

«Мы должны учесть наш опыт в Финляндии...» РОВС об уроках «Зимней войны». (Из Бахметьевского архива Колумбийского университета, США) // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.—Vaduz: Европейский Дом, Topos Verlag, 1997. С. 317–333.

Невалainen П. Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Издательство Журнал «Нева», 2003. 366 с.

Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992. 302 с.

Феномен контрреволюции в истории. Сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе Нового и новейшего времени. СПб.: Издательство РХГА, 2021. С. 219–300.

Фролов Д. Д. Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки—СПб.: RME Group Oy, 2009. 639 с.

Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сборник документов. Кн. вторая. М.: Гея, 1998. 621 с.

Geust C.-F. General Vlasov's army — the Finnish connection // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017, № 17 (2). P. 80–102.

Geust C.-F. Vlasovin armeija. Jeväskylä: Docendo Oy, 2017. 256 s.

Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo-Hels.; WSOY, 1970. 317 s.

Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Hels.: Love Kirjat, 1982. 503 s.

Suomela J. Rajatakainen Venäjä. Venäläisten emigranttien aatteelliset ja poliittiset mielipiteet Euroopan venäläisissä sanomalehdissä 1918–1940. Hels.: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2001. 266 s.

Trotsky vastahallituksen johtoon? 15.12.1939 // Talvisota kronikka. Jyväskylä-Hels.: Gummerus, 1989. S. 46.